

На правах рукописи

Ким Екатерина Валериановна

**КОРЕЙЦЫ СИБИРИ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ, ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ XX–XXI ВВ.**

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук в отделе этнографии.

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Октябрьская Ирина Вячеславовна

Официальные оппоненты:

Абашин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (г. Санкт-Петербург), факультет антропологии, профессор.

Ворожищева Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (г. Томск), Институт международного образования и языковой коммуникации, специалист по социальной работе.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет» (г. Барнаул).

Защита диссертации состоится 15 мая 2015 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.18, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36 (учебный корпус №3, ауд. 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан « ____ » марта 2015 года.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
http://www.tsu.ru/content/news/announcement_of_the_dissertations_in_the_tsu.php
Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор

Некрылов Сергей Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В 2015 г. исполнится 25 лет со дня подписания дипломатического соглашения между Россией и Республикой Корея. В 2010 г. в ходе празднования 20-летия с момента установления дипломатических отношений между двумя странами подчеркивалось, что развитие двусторонних отношений вышло на уровень стратегического партнерства. Важное место в нем занимает сотрудничество в сфере диаспоральных стратегий и практик. Официальные лица Республики Корея (РК) заявляют, что «7 млн зарубежных корейцев, проживающих в 170 странах, – это богатство Республики Корея. ... Этнические связи крепчают, и развитие сообщества зарубежных соотечественников вскоре станет государственной мощью Республики Корея»¹. Расширяя взаимодействие с мировой корейской диаспорой, Южная Корея развивает отношения с корейцами России. Это делает проблему изучения корейского сообщества российского государства чрезвычайно актуальной с позиций межнационального взаимодействия.

В 2014 г. корейцы России отмечают 150-летие с момента добровольного переселения на российский Дальний Восток. За время пребывания в пределах России корейцы освоили многие регионы страны, в том числе области сибирского макрорегиона. Позиции корейской общины крупных городов Сибири соответствуют современной государственной национальной политике Российской Федерации (РФ), направленной на укрепление государственного единства и целостности России и сохранение этнокультурной самобытности ее народов. В этнополитических процессах сибирского макрорегиона и России в целом корейцы занимают весомые позиции.

¹ Чжеуэдонпхочжедан Чо Гю Хён исачжан инсамаль [Приветственное слово президента Фонда зарубежных соотечественников Чо Гю Хёна] // Электрон. дан. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1283437318498&query=&url1=> (дата обращения 06.09.2014).

В современном мире все больше государств пересматривают свою внешнюю политику в пользу развития стратегий взаимодействия с зарубежными соотечественниками, признавая тот факт, что наличие влиятельной и консолидированной общины за рубежом отвечает их национальным интересам. В глобальный процесс постепенно вовлекаются многие этнические сообщества России в том числе и общественные объединения корейцев. Это определяет интерес к характеристике корейцев России и Сибири во всем многообразии политических взаимодействий РФ и РК. Поскольку в российской и мировой этнологии, этнополитологии, социальной и политической антропологии не существует обобщающих работ о корейцах Сибири в контексте становления и развития диаспоральных взаимодействий, проблема представляет большой интерес на уровне академического дискурса.

Объектом исследования является сообщество корейцев Сибири в границах Сибирского Федерального округа (СФО), насчитывающее, согласно переписи 2010 г., 11 тыс. чел. и отличающееся высоким уровнем самоорганизации. В городах Новосибирске, Иркутске, Томске корейцы представлены национально-культурными автономиями (НКА), в других городах Сибири действуют корейские культурные центры. В 2010 г. в Новосибирской обл. насчитывалось 3193 чел., в Иркутской – 1342 чел., в Алтайском крае – 1214 чел., в Томской обл. – 1207 чел., и в Красноярском крае 1029 чел.; доля от общей численности корейского населения в каждом субъекте федерации СФО не превышала 0,1%. При этом общая численность корейцев России определялась в 153 тыс. чел., что также составило 0,1% от общей численности населения страны.

Предметом исследования стали этносоциальные и этнополитические процессы в среде корейского сообщества Сибири в контексте национальной политики РФ и развития диаспоральных стратегий РК при отсутствии значимой диаспоральной активности КНДР.

Хронологические рамки исследования. Данное исследование посвящено изучению современных процессов в среде корейцев Сибири. Хронологические рамки работы определяют события XX–XXI вв., связанные с формированием, развитием и историей самоорганизации корейского сообщества региона.

Территориальные рамки исследования. Территориально квалификационное сочинение ориентировано на оценку ситуации в крупнейших городах СФО – Новосибирске, Томске, Иркутске, Барнауле, Красноярске, Омске и проч., где преимущественно локализуется корейское сообщество Сибири.

Цель и задачи исследования. Цель данного исследования заключается в том, чтобы дать обобщающую характеристику корейского сообщества Сибири как части полиэтничного сообщества России в единстве этносоциальных и этнополитических параметров и практик, связывающих это сообщество и с отечеством, и со страной исторического исхода.

Достижение цели обеспечивают следующие задачи: воссоздать историю формирования корейского сообщества в Сибири; дать этносоциальную и этнокультурную характеристику корейцев Сибири; проследить динамику их этнической идентичности; проследить историю самоорганизации корейцев в Сибири; дать этнополитическую характеристику корейскому сообществу Сибири; проследить становление политики РК по взаимодействию с зарубежными соотечественниками; выявить стратегии взаимодействия корейцев Сибири как с отечеством, так и со страной происхождения в контексте национальной политики РФ и диаспоральной политики РК в сфере экономики, науки и культуры.

Степень изученности проблемы. Данное исследование опирается на работы российских, англоязычных и южнокорейских авторов о корейцах России.

Российское исследование ранних корейских мигрантов на Дальнем Востоке началось в конце XIX в. с краеведческих работ в первую очередь путешественников, членов Русского географического общества и официальных лиц. Труды носили во многом практический характер и были направлены на выработку советов властям

по управлению переселенцами. Стоит отметить работы Н.М. Пржевальского (1870 г.), В.П. Врадья (1904 г.), А.Г. Лубенцова (1887 г.), Н.Г. Гарина-Михайловского (1898 г.), А.Ф. Риттиха (1899 г.), П.И. Першина (1887 г.), Д. Трусова (1884 г.) и др.

На рубеже 1920–1930-х гг. в России появляются первые историко-этнографические исследования о корейцах Дальнего Востока. Особенно следует отметить работы С. Аносова (1928 г.), И.В. Гоженского (1923 г.), Н.К. Ильюхова и М.В. Титова (1928 г.) и др.

По итогам Второй мировой войны и событий на Корейском полуострове конца 1940–1950-х гг. история корейцев становится предметом интересов западной науки. Ряд англоязычных работ того периода был посвящен истории переселения на Дальний Восток и депортации корейцев в Среднюю Азию. Одной из самых известных стала монография У. Коларза «Люди советского Дальнего Востока» (1954 г.), где автор привел краткое описание миграции корейцев на Дальний Восток и характеристику их участия в гражданской войне. Несмотря на отсутствие доступа к архивным документам, У. Коларз поднял тему насильственного переселения корейцев в Среднюю Азию и Казахстан на основе данных советской прессы. Он одним из первых применил термин «диаспора» по отношению к корейцам Дальнего Востока.

На 1950–1960-е гг. приходится новый виток в развитии корейской темы в советской науке. Чаще всего это очерки, статьи и воспоминания участников гражданской войны на Дальнем Востоке. К ним относятся работы С.А. Хана (1958 г.) об участии корейцев в гражданской войне, труды С.А. Цыпкина (1957 г.) о борьбе с интервентами на Дальнем Востоке, а также работа Ким Сын Хва «Очерки по истории корейцев» (1965 г.), которая начинается с обоснования причин переселения корейцев на российский Дальний Восток. Хронологически работа заканчивается описанием участия корейцев в революционных событиях 1917 г., хотя в приложении упоминаются достижения корейцев Средней Азии.

В 1970–1980-е гг. корейская тема продолжает развиваться в масштабах мирового научного дискурса. Среди исследований этого периода следует выделить работы Дж. Стефана «Корейское меньшинство в Советском Союзе» (1970 г.), Ко Сын Чжэ «Исследование корейской эмиграции» (1973 г.), Со Дэ Сук «Корейцы в Советском Союзе» (1987 г.), Ко Сонг Му «Корейцы в Советской Центральной Азии» (1987 г.), Ким Ен Су «Советский Союз и корейская проблема» (1986 г.), Шин Юн Ча «Советские корейцы» (1988 г.).

На волне перемен в 1990-е гг. у отечественных и зарубежных историков появился широкий доступ к российским архивам. Корейцам была посвящена статья в «Этноисторическом словаре Российской империи и Советского Союза» (1994 г.) под редакцией Дж. С. Олсона, часть монографии «Этнические конфликты в постсоветском мире» (1996 г.), монографии Ли Гван Гю и Чжон Генг Су «Советские корейцы» (1998 г.), Ли Гван Гю «Корейская диаспора в мировом контексте» (1994 г.)

В постсоветский период произошла заметная активизация российских исследований в области истории и культуры корейцев России. Это было связано с изменением политической конъюнктуры, с расширением межнациональных контактов и с открытием доступа к архивным документам.

Одной из самых актуальных для 1990-х гг. стала тема этнических депортаций. Б.Д. Пак, М.Н. Пак, Н.Ф. Бугай, П.М. Полян одними из первых приступили к изучению темы депортации корейцев. Они подготовили к публикации многие закрытые ранее материалы и на их основе написали ряд работ, раскрывающих различные аспекты переселения корейского населения с Дальнего Востока.

Обобщающий характер имела серия монографий Б.Д. Пака «Корейцы в Российской империи» (1993 г.), «Корейцы в Советской России» (1997 г.). Обширный фактический материал содержало исследование Н.Ф. Бугая и Сим Хон Ёнг «Общественные объединения корейцев России: конструктивность, эволюция, признание» (2004 г.) Это исследование корреспондировало с публикацией

материалов, подготовленной в Томском государственном университете И.В. Нам (1998–1999 гг.) по национально-культурным автономиям (в том числе корейским) и анализом их истории в России.

Серьезный вклад в развитие проблем корейцев постсоветского пространства внесли ученые стран СНГ, среди них: П.Г. Ким («Корейцы Республики Узбекистан: история и современность», 1993 г.), Г.Н. Ли («Корейцы в Кыргызстане: история в лицах, обряды, обычаи и статьи», 1998 г.), Г.Н. Ким («Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее», 1995 г. и «История иммиграции корейцев», 1999 г.) и др., в их работах освещались многие стороны истории и современное положение корейцев России и стран СНГ.

В России на протяжении 1990-х–начала 2000-х гг. корейская проблематика продолжала разрабатываться на локальном и региональном уровнях. Известны публикации И.В. Нам (раздел «Корейцы» в Энциклопедии Томской области 2007 г.); С.В. Бойко о корейских совхозах на Алтае начала XX в. (2006 г.), О.М. Ворожищевой о положении корейской диаспоры в странах Азии (2013 г.) и др.

В работах 2000-х гг. Р.Ш. Джарылгасиновой, А.Т. Кузина, Ж.Г. Сон, Ю.Н. Попова, Л.М. Сим, Ен Ун Ким, Б.Д. Пак, А.В. Лю и др. затрагивались многие аспекты истории и современного состояния корейской диаспоры в советском и постсоветском пространстве.

В 2000-х гг. вышел ряд биографических работ, посвященных корейцам России: серия изданий «Российские корейцы», коллективная работа Е.Б. Цоя, А.М. Гущиной, А.Н. Хвана «России – Корея: диалог культур» (2005 г.), В.Д. Ли «О томичах-корейцах» (2006 г.). В этих работах затрагивались исторические и социальные аспекты пребывания корейцев в Западной Сибири, однако наиболее ценным содержанием этих работ являлся биографический материал.

На протяжении 2000-х гг. в России планомерно увеличивалось количество работ, посвященных региональным корейским сообществам. Одним из важных аспектов в рамках этих исследований является проблема сохранения этнической

идентичности в инокультурной среде на постсоветском пространстве. Большой интерес в связи с этим представляют работы М.Д. Тена, В.С. Хана, М.М. Хана, В.П. Левкович и Л.В. Мин.

В целом, большая часть работ о корейцах Российской империи, СССР, России и стран СНГ имеет историческую, социально-историческую ориентированность. Исследователи вводят в научный оборот обширные архивные документы, описывая прежде всего участие корейцев в социально-политических процессах. Детально освещаются проблемы депортации корейцев, их социокультурная деятельность и общественные объединения.

С 2000-х гг. увеличивается число англоязычных работ, посвященных корейским сообществам по всему миру, здесь следует отметить работы Г. Чо (2008 г.), Вонсук Ма (2011 г.), Ф. Бергсона и Ильбома Чоя (2003 г.), С. Рянг и Дж. Ли (2009 г.), Хесун Чон Ко (2008 г.) и проч. Англоязычные работы о корейской диаспоре в большинстве своем посвящены корейцам США и Японии и лишь частично освещают современное положение корейцев России.

Объединение достижений российской, южнокорейской и западной науки в области изучения корейской диаспоры и диаспоральной политики РК определяет историографическую базу данного исследования. Анализ отечественной и зарубежной историографии по проблеме зарубежных корейцев позволяет сделать ряд выводов.

В отечественной науке наиболее полно отражена история эмиграции корейцев с Корейского полуострова и их расселения в пределах России, а также история насильственного переселения в пределах СССР. Недостаточно изучены проблемы, связанные с этнокультурным развитием корейцев в инонациональной среде, их этническим самосознанием. Нет работ, ориентированных на оценку современного положения корейской диаспоры, в том числе в контексте диаспоральной политики РК и реакции на нее корейской диаспоры России.

В зарубежной науке накоплен большой опыт в изучении проблем развития этнических меньшинств, в том числе и корейцев в иноэтничных средах. Наиболее разработанными темами являются переселение корейцев на российский Дальний Восток, их дискриминация в 1920–1930-е гг. и переселение в Центральную Азию. Недостаточно освещена проблема интеграции корейского населения в принимающих обществах. Европейские, американские и южнокорейские авторы за редким исключением не ставили своей задачей специальное изучение участия корейцев в общественно-политической и культурной жизни России и тем более не проводили исследований идентичности на материалах региональных сообществ. Все это делает необходимым разработку – с учетом уже имеющейся литературы – вопросов, связанных с оценкой современной социальной, политической и культурной жизни корейцев в России, в том числе в Сибири, на фоне развертывания диаспоральной программы РК.

Методологическая основа и методы исследования. Данная работа выполнена на основе положений современной этнологии и этнополитологии, социальной и политической антропологии. В оценке диаспоральных процессов различия между примордиализмом и конструктивизмом в изучении этноса и этничности нивелируются. В этой области наиболее эффективен полипарадигмальный подход, который рассматривает этнос (этническое сообщество) как некую социально-историческую и социокультурную реальность и квалифицирует его как динамичное явление с подвижной структурой идентичностей.

На основе подобного подхода в рамках советской этнополитологии впервые был поставлен вопрос о природе диаспоры как форме развития этноса.

Термин «диаспора» прочно вошел в мировой этнополитический лексикон в конце XX в. Теория диаспоры активно обсуждалась зарубежными и отечественными исследователями начиная с 1970–1980-х гг. В трудах европейских и американских авторов проблемы диаспор заняли весомое место (Р. Брубекер

(2005), Г. Шеффер (2003), Дж. Армстронг (1976), Дж. Клиффорд (1994), М. Фулливел (2008), Т. Файс (2000), У. Сафран (1991), Р. Коэн (2008) и др.). В России теоретико-методологический дискурс по поводу диаспор складывался на протяжении 1990-х гг. С 1999 г. стал выходить независимый журнал «Диаспоры», работы С.А. Панарина, В.А. Тишкова, В.И. Дятлова, С.Н. Градиrossoго, А.Ю. Тупицына, Д. Коткина, Ж.Т. Тощенко, И.В. Нам, Т.Б. Смирновой и др. обозначили пространство научного поиска в области диаспорологии.

Развитие диаспорального дискурса рубежа XX–XXI вв. отражало многообразие механизмов образования диаспор и форм их самоопределения. Это привело к вариативности трактовки термина и типологий, а также к вариативности методов изучения диаспор. В ходе продолжающегося обсуждения не был достигнут консенсус.

Авторская оценка во многом сформирована положениями американского антрополога Дж. Клиффорда, который считает, что диаспора может иметь «множественный опыт редиаспоризации, не обязательно последовательный в коллективной памяти». Ученый также подчеркивает способность этнических сообществ наращивать или заглушать «диаспоризм» в зависимости от изменяющихся обстоятельств².

Важным при изучении диаспор вообще и корейцев России и Сибири в частности представляется также замечание Р. Брубекера, которое состоит в том, что диаспора – это прежде всего категория практики, а затем категория анализа. Следовательно, изучать диаспору необходимо через практики и проекты, которые позволяют описывать процесс ее формирования в контексте взаимодействия со страной пребывания, соотечественниками и мировым сообществом³.

² Clifford J. *Diasporas* // *Cultural anthropology*. – 1994. – Vol. 9. – No. 3. – P. 305, 306.

³ Brubaker R. *The 'diaspora' diaspora* // *Ethnic and racial studies*. – 2005. – Vol. 28. – No. 1. – P. 13.

Так В.А. Тишков⁴ вслед за Дж. Клиффордом⁵ подчеркивает ситуативность и значимость личностной идентификации в формировании диаспоры. Ведущий российский этнолог считает, что диаспора – это скорее «стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая или тем более этническая реальность». Он утверждает, что диаспора – это главным образом политика. И в изучении диаспор основным становится вопрос политического выбора группы и вопрос межгосударственных стратегий⁶. Одна и та же этническая группа в зависимости от ситуации может считать родиной различные государственные образования⁷. При этом характеристики диаспоры могут меняться в зависимости от политического контекста.

Таким образом, диаспора может рассматриваться как сообщество динамичное, которое, как представляется, меняет свою идентичность по мере интеграции в «принимающее» этнокультурное и этнополитическое пространство, а также по мере выстраивания отношений с «исторической родиной».

Автор разделяет позицию С.А. Арутюнова, подчеркивающего, что «диаспора – это не только и не столько состояние, диаспора – это процесс»⁸.

Таким образом, данная работа опирается на методологию, рассматривающую диаспору как динамичное явление в тесной связи с политическими процессами транснационального уровня между страной происхождения и страной проживания. По отношению к российским этническим сообществам, в том числе и по отношению к корейцам России, имеет смысл говорить о процессе превращения их в диаспору. Изучение диаспоризации корейского сообщества Сибири в системе взаимодействия этнической группы с принимающим обществом и страной исхода

⁴ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. – С. 43-63.

⁵ Clifford J. Diasporas... P. 302-338.

⁶ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 446, 486.

⁷ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. – С. 48.

⁸ Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 77-78.

наиболее целесообразно в рамках полипарадигмального подхода. В этом состоит методологическая новизна данной работы и основная ее гипотеза.

Методы сбора и анализа материала. К методам авторского исследования относятся методы сбора и обработки материала. При сборе первичных данных использовался метод глубинного интервью. Всего было проведено 35 глубинных интервью с представителями корейских сообществ в городах Новосибирске, Томске, Красноярске, Омске, Иркутске, Барнауле, Абакане, Бердске, Карасуке. Интервью с лидерами национально-культурных организаций корейцев в городах Новосибирске и Томске были проведены в два этапа в 2006–2007 гг. и 2012–2013 гг., что продемонстрирует изменения в общественно-политических стратегиях корейского сообщества.

Основным при сборе информации стал метод онлайн и офлайн анкетирования. Анкета для респондентов содержала тест Куна-Макпартленда, дублирующий тест для определения структуры и иерархии идентичностей, а также анкету, оценивающую культурные особенности респондентов.

Для обработки данных глубинного интервью, а также газетных публикаций применялся метод контент-анализа. Он представляет собой количественный и качественный способ выявления количества и характера упоминаний в тексте на заданную тему.

Источниковую базу исследования составляют комплекс административно-правовых документов РФ и РК, статистические и архивные материалы, материалы авторских интервью и анкетирования, а также материалы российской и южнокорейской прессы.

Первая группа источников – законодательные акты РФ и РК, связанные с взаимодействием государства и этнических сообществ. В случае с Россией речь идет о формировании и реализации внутренней национальной политики.

Анализ российских и южнокорейских законодательных документов позволяет понять правовую основу взаимоотношений принимающего государства и

государства исхода с сообществом российских корейцев. Российские законодательные акты по отношению к корейцам, как к группе населения, выражают внутреннюю национальную политику по взаимодействию с этническими сообществами. В то время как южнокорейские документы являются основой для внешней диаспоральной политики государства.

Вторую группу источников составляют статистические данные. Это, прежде всего, итоги всесоюзных и всероссийских переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., позволяющие проследить динамику численности корейского населения в России в целом и в Сибири в частности. В фокусе авторских исследований находятся изменения численности корейцев Сибири и в том числе Новосибирской обл. с момента появления корейцев в регионе.

Кроме того в работе использовались статистические данные Фонда зарубежных корейцев РК (재외동포재단) и ассоциации мирового корейского бизнеса «Хансан» (한상넷), позволяющие охарактеризовать степень вовлеченности российских корейцев в диаспоральные программы РК.

Важнейшую группу источников данной работы составляют материалы полевых авторских исследований среди корейцев в Сибири. К ним относятся глубинные интервью с представителями корейских сообществ, а также материалы анкетирования в городах Сибири, собранные в период с 2006–2014 гг.

В рамках подготовки данной работы было осуществлено анкетирование корейцев Сибири на предмет оценки этнического самоопределения. На первом этапе в 2006–2007 гг. было обработано 200 анкет с тестом Куна-Макпартленда, на втором этапе в 2012–2014 гг. – 300 анкет по изучению культурных особенностей корейцев Сибири в вышеуказанных городах.

Впервые в данном сочинении были использованы мемуары, родословные и семейные архивы отдельных представителей корейского сообщества Сибири. В мемуарах содержится информация об истории семьи в контексте политических событий СССР и России с особым вниманием к достижениям и успехам предков.

Анализ данной группы источников позволил провести параллель истории государства с историей определенной семьи. Биографический метод изучения помог не только воссоздать ключевые события истории корейского сообщества, но и придать ей персонифицированный характер.

Следующая группа источников – это материалы онлайн и оффлайн прессы России. В рамках исследования был проведен контент-анализ основных российских газет «Известия», «Аргументы и факты» и журналов «Эксперт» и «Русский репортер», а также интернет издания lenta.ru за 1989–2013 гг. Выбор перечисленных изданий был обусловлен оценкой рейтинга популярности российских печатных СМИ агентства медийных исследований ExLibris в 2014 г. Всего было обработано 844 статьи.

Анализ масс-медиа позволяет определить место корейской тематики в повестке дня основных источников формирования общественного интереса россиян. Динамика публикаций с 1989 по 2013 гг. демонстрирует значительное увеличение интереса российского общества к проблемам Корейского полуострова и корейцев. Материалы газеты «Аргументы и факты» за 2000 и 2010 гг. включали в себя региональную составляющую, что выявляет заинтересованность в корейском вопросе и в сибирском регионе.

Таким образом, диссертационное исследование опирается на широкий спектр источников, позволяющий дать обобщенную характеристику сообществу корейцев Сибири и разностороннюю оценку современным этносоциальным и этнополитическим процессам.

Научная новизна и научно-практическая значимость работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка системного изучения корейцев в Сибири в контексте их взаимодействия с принимающим государством и исторической родиной на фоне активизации диаспоральных связей. Квалификационное сочинение впервые вводит в научный оборот новые, в том числе статистические источники и материалы авторских интервью. Их анализ позволяет в

полном объеме оценить этнополитические процессы, характерные для корейцев в Сибири. В работе привлекаются материалы на корейском и английском языке, ранее не переведенные и не подвергавшиеся анализу российскими специалистами. Обобщение широкого круга в том числе зарубежных исследований по диаспорологии способствует конкретизации методологии изучения этнополитических процессов и явлений. Оценка корейского сообщества Сибири и России в целом сквозь призму диаспорологии определяет новизну и методологическую значимость работы.

Помимо введения в широкий академический дискурс оригинальных фактов по истории и современному состоянию корейского сообщества Сибири, данное исследование может быть полезно при разработке российской национальной и внешней политики, к которой на данный момент приковано пристальное внимание правительственных и общественных кругов. Кроме того, на фоне роста академического интереса к проблемам миграции и диаспор результаты данной работы могут использоваться в составлении методологических пособий к учебным курсам по межэтническим и международным отношениям.

Апробация работы. Результаты данного исследования обсуждались в рамках ряда конференций и семинаров различного уровня. Среди них: Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных наук», (г. Томск, 2005); Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» на базе НГУ (г. Новосибирск 2006, 2007, 2012, 2013, 2014); Научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корейский полуостров: накануне перемен» (г. Москва, 2012); Всероссийская научная конференция молодых ученых-корееведов, посвященная 20-летию основания Международного центра корееведения (г. Москва, 2012); семинар-мастерская «Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность» (г. Иркутск, 2012); X Конгресс этнографов и

антропологов России «Современный город и социально-культурная модернизация России» (г. Москва, 2013); Российско-корейская научная конференция (г. Новосибирск, 2013); Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция (г. Владивосток, 2013); Русскоязычные корейцы стран СНГ: общественно-географический синтез за 150 лет (г. Новосибирск, 2014); Корейская диаспора: проблема идентичности (г. Томск, 2014) и проч.

Основные положения диссертации были представлены в 24 публикациях общим объемом 8,6 печатных листа (авторский вклад 7,8 п.л.), включая 5 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК. В составе научного коллектива, автором были подготовлены разделы, соответствующие проблематике исследования, в рамках работ по проектам «Российская нация в сибирском измерении. Оценка иерархии идентичностей народонаселения Западной Сибири»⁹ и «Оценка рисков формирования человеческого потенциала городов Сибири в условиях роста иностранной миграции»¹⁰.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Корейское сообщество Сибири начинает формироваться с 1950-х гг., после аннулирования дискриминационных ограничений и начала массовых переселений корейцев в масштабах СССР; отличается стабильным ростом численности, высоким уровнем социальной мобильности, значимым социально-экономическим статусом и большой степенью интегрированности в региональное сообщество;

2. Этническая идентичность корейцев Сибири имеет устойчивый характер, несмотря на нивелировку ряда этнодифференцирующих признаков и локализацию их в семейно-бытовой сфере; в конце XX в. (с установлением дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея) культура корейцев Сибири вышла

⁹ Грант Президента РФ МК-4002.2014.6 «Российская нация в сибирском измерении. Оценка иерархии идентичностей народонаселения Западной Сибири».

¹⁰ Грант Российского гуманитарного научного фонда №12-03-00205 «Оценка рисков формирования человеческого потенциала городов Сибири в условиях роста иностранной миграции».

в публичную сферу и стала одним из элементов межкультурного диалога в многонациональном российском обществе;

3. Внешнеполитические стратегии Республики Корея и Российской Федерации предполагают выстраивание взаимодействия с учетом диаспоральных интересов; при этом корейцы Сибири, как и России в целом, являются устойчивым сообществом с многоуровневой идентичностью, где отчетливо представлена гражданская российская составляющая и слабо выражены миграционные установки по отношению к Республике Корея;

4. Корейцы Сибири являются частью российского корейского сообщества, которое может быть охарактеризовано как динамичное образование, переживающее процесс диаспоризации и постепенно включающееся в мировую корейскую диаспору.

Структура и основное содержание работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения. Во введении обосновывается актуальность темы исследования, выделены объект, предмет, цели, задачи, представлена история изучения проблемы, характеристика методологии и источников, изложены сведения об апробации и структуре диссертации.

Первая глава «Корейцы Сибири в XX в.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Формирование корейского сообщества в Сибири»** прослеживается история переселения корейцев в города Сибири.

Предпосылки для формирования корейского сообщества в Сибири возникли в 1920–1930-е гг.; для этого этапа была характерна высокая миграционная подвижность и нестабильность корейского населения. Политические репрессии 1937 г. привели к почти полному исчезновению корейцев в сибирском регионе. Новая волна активного переселения началась во второй половине 1950-х гг. в связи со снятием ограничений на передвижение депортированных корейцев Средней Азии и корейцев-апатридов о. Сахалин. Активная миграция продлилась вплоть до

начала 2000-х гг., а затем сменилась оттоком корейского населения из большинства крупных сибирских городов за исключением г. Новосибирска и г. Томска.

В 2010 г. общая численность корейцев в СФО составляет около 11 тыс. человек, наиболее многочисленные сообщества сформировались в НСО (свыше 3 тыс. чел.) и Иркутской обл. (свыше 1,3 тыс. чел.).

Второй параграф **«Этно-демографическая и этносоциальная характеристика корейцев Сибири»** посвящен анализу демографических и социальных показателей корейского сообщества Сибири.

Одним из важных показателей, демонстрирующих динамику развития корейского сообщества СССР, является характеристика сообщества по типу населения. До 1950-х гг. корейцы СССР были преимущественно сельскими жителями, занятыми в основном в сельском хозяйстве. Однако с 1959 г. по 1979 г. произошла резкая переориентация на проживание в городской среде, что обусловило смену этносоциальных и этнокультурных установок.

Формально до 1993 г., когда произошла юридическая реабилитация репрессированных корейцев, они были ограничены в правах, что обуславливало их социальный статус. Однако послабление режима в 1950-х гг. и стремительная «урбанизация» корейцев обеспечили возможность получать высшее образование. В настоящий момент у корейцев России один из самых высоких показателей уровня образования по сравнению с другими этническими группами России. В Сибири же аналогичный показатель выше общероссийского. Это связано с тем, что причиной миграции корейцев в города Сибири было стремление к обучению в вузах.

Высокий образовательный статус корейцев в Сибири является основой для повышения социального статуса. В Сибири корейцы широко представлены в научной, политической, культурной и бизнес элите региона.

В третьем параграфе **«Этнокультурная характеристика корейцев Сибири»** анализируется трансформация этнокультурных установок корейского сообщества макрорегиона.

Ориентированные на интеграцию корейцы в Сибири легко принимали стандарты поликультурного сообщества. Сегодня подавляющее большинство корейцев региона считает родным языком русский, и крайне немногие владеют корейским языком. Переход коммуникации корейцев с родного языка на русский был предопределен особенностями национальной политики СССР и произошел в результате ликвидации корейских школ. Однако переход на русский язык в значительной мере способствовал более успешной адаптации корейцев в принимающее общество.

В связи с утратой родного языка как основы сохранения этнического самосознания на первый план вышли иные факторы, например, национальная кухня и семейные обряды. Наиболее важным корейцами Сибири признается сам факт соблюдения практик проведения 60-летнего юбилея, первого дня рождения, свадебного и похоронного ритуала. При сохранении традиций у корейцев Сибири отчетливо проявляется поликультурность и глубокая интегрированность в российское общество.

Глава вторая **«Структура идентичностей и практики самоорганизации корейцев Сибири»** состоит из трех параграфов.

Первый параграф **«Структура идентичностей корейцев Сибири»** выявляет актуализацию этнической идентичности корейцев в период с 2006 г. по 2014 г. Анализ проведенного анкетирования по методу Куна-Макпартленда показал, что в структуре самооценок корейцев Сибири присутствует этническая составляющая, средний показатель которой свидетельствует о развитии сообщества по модели интеграции.

Помимо стабильной численности корейцев Сибири, по-видимому, и дальше будет характеризовать устойчивая этническая идентичность. Полного размывания сообщества корейцев не произошло на протяжении 150 лет их проживания в России, даже при отсутствии связей со страной исхода, при относительно малой численности и невозможности воспроизводить язык и культуру в полном объеме.

Корейцы Сибири, как и России в целом, всегда ощущали себя корейцами, хотя во многом восприняли культурные нормы принимающего общества, что способствовало их глубокой интеграции. За время проживания в российском обществе у корейцев сложилась особая культурная идентичность, характеризующаяся смешением российских и корейских культурных ценностей и сформировалась иерархия идентичностей, в которой гармонично соотносятся этническое и гражданское самоопределения.

Второй параграф «**Формы самоорганизации корейцев Сибири**» анализирует эволюцию общественных объединений корейцев в России в XX–XXI вв. и характеризует современные формы национально-культурных институтов корейцев Сибири.

Если оценивать развитие общественных организаций корейцев Сибири в целом, то необходимо признать, что на протяжении 150 лет проживания в России для них была характерна высокая степень консолидации и самоорганизации. При этом национально-общественные институты корейского сообщества Сибири были направлены не на сегрегацию, а на активное представительство в российском обществе, а также на групповое взаимодействие со страной исхода. В последние десятилетия стала заметна тенденция превращения корейского сообщества Сибири в транснациональное объединение с расширенными связями как со страной исхода, так и с аналогичными сообществами в других странах.

В 2000-е гг. корейцы России, на протяжении многих десятилетий существовавшие в отрыве от исторической родины своих предков, стали осознавать себя частью корейской диаспоры.

В третьем параграфе «**Этнополитическая характеристика корейцев Сибири в начале XXI в.**» проводится анализ роли корейцев Сибири в расширении международного сотрудничества РФ и РК на региональном уровне.

Согласно проведенным полевым исследованиям, для корейцев Сибири характерно устойчивое этническое самоопределение, неотделимое от гражданской

идентичности. В качестве доминирующего самоопределения в их среде принят этноним «российские корейцы». Таким образом, пример корейцев Сибири подтверждает тезис о том, что этническая и гражданская идентичности могут не вступать в конфликт друг с другом.

Большое значение в развитии диаспоральных стратегий корейского сообщества Сибири имеет развитие международного сотрудничества Южной Кореи с сибирским регионом. С 1990-х гг. лидером в развитии этих отношений является г. Новосибирск.

В 2001 г. мэрия г. Новосибирска подписала договор об установлении побратимских отношений с мэрией южнокорейского г. Тэджона. Медиатором переговоров выступил старейшина сообщества корейцев г. Новосибирска Ю.Г. Канесиро. Аналогичные договоры о побратимских отношениях между сибирскими и южнокорейскими городами подписаны в городах Томске, Иркутске, Омске, где сконцентрировано основное корейское население Сибири.

Как этническое и гражданское сообщество корейцы выстраивают стратегии взаимодействия и с российским государством, и со страной происхождения. В результате сбалансированной внешней политики двух стран российские корейцы активно включаются в диаспоральные практики, переживают процесс «диаспоризации», все более и более интегрируют в мировую корейскую диаспору.

Третья глава **«Корейцы Сибири в структуре диаспоральных практик Республики Корея»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Становление и развитие стратегий взаимодействия с зарубежными соотечественниками Республики Корея»** прослеживается юридическое оформление диаспоральной политики РК.

С момента образования государства РК в 1948 г. ее диаспоральная политика прошла несколько этапов – от непризнания зарубежных соотечественников к юридическому оформлению их статуса, а затем к поддержке их культурной деятельности для построения фундамента дальнейших взаимоотношений.

Актуализация связи РК и мировой корейской диаспоры при помощи образовательных и культурных программ определила содержание подготовительного периода в выстраивании стратегии взаимодействия.

Следующим этапом стало расширение прав зарубежных соотечественников, включая привилегированный визовый режим, инвестиционную политику, систему двойного гражданства, удаленное избирательное право и проч.

Эти меры были направлены на укрепление созданных ранее связей на основе этнокультурной общности. В логике развития подобного взаимодействия, по мнению ведущих экспертов, – принятие мер по получению взаимной выгоды от сотрудничества. Создание широкой сети транснационального этнического бизнеса и культурного партнерства можно считать переходом на ступень паритетного сотрудничества зарубежных соотечественников и страны исхода.

Во втором параграфе **«Современные диаспоральные практики корейцев Сибири в системе этнических бизнес-сетей»** рассматривается нарастание экономического сотрудничества корейцев Сибири с РК на фоне развертывания экономических программ РФ и РК.

В рамках своей диаспоральной политики с начала 2000-х гг. РК берет курс на реализацию так называемой «политики сетей», которая заключается в формировании сетей глобального корейского бизнеса. Ассоциация всемирного корейского бизнеса «Хансан» ежегодно проводит бизнес-встречи представителей корейских диаспор разных стран с представителями южнокорейского бизнеса. Корейцы Сибири пока неактивно вовлечены в подобные бизнес-сети, действующие на основе этнического «кредита доверия» для снижения психологических рисков сотрудничества. Однако в будущем можно предположить развертывание данного направления транснациональных практик корейцев Сибири.

Россия и Южная Корея в последнее десятилетие наиболее активно развивают экономическое сотрудничество в сферах энергетики, торговли, «зеленых технологий», туризма, культуры и проч., в том числе и в сибирском макрорегионе.

В этом контексте заметна существенна роль корейцев Сибири в развитии экономических связей РК с сибирским макрорегионом.

В третьем параграфе **«Аспекты современных диаспоральных практик корейцев Сибири в области культуры и науки»** проводится анализ культурных процессов, характерных для корейцев Сибири под влиянием «мягкого влияния» РК.

Помимо официального курса диаспоральной политики РК, включающей юридическую разработку понятия «зарубежный соотечественник» и развитие экономического сотрудничества с диаспорой, РК берет на вооружение механизмы «мягкого влияния».

Анализ статей ведущих российских изданий за 1989–2013 гг. свидетельствует о росте общероссийского интереса к корейской тематике в контексте повышения популярности современной культуры РК.

Корейцы Сибири активно развивают межрегиональные и международные связи, проводят научно-практические конференции, в том числе и в сотрудничестве с РК.

Важнейшим итогом двух десятилетий развития диаспоральных практик корейцев Сибири стала не только актуализация этнического самосознания на основе интеграции в мировое диаспоральное корейское сообщество, но и осознание насущной потребности самоопределения в масштабах поликультурного сообщества России и СНГ, за которым стоит не только этно- и поликультурный опыт, но и 150 лет историко-культурных и социально-политических связей.

Заключение подводит итог диссертационной работы. Выдающийся социолог XX в. З. Бауман выделил три волны миграции: из империи в колонии, из колоний в империю и миграция в «эпоху диаспор»¹¹. В своих интервью ученый сформулировал тезис о превращении мира в «архипелаг диаспор» и распаде

¹¹ Bauman Z. What is central in central Europe? // Democracy on the precipice. Council of Europe democracy debates 2011-2012. Council of Europe publishing. – 2012. – P. 24-25.

«несвятой троицы» – единства территории, государства и нации¹². По его мнению, в современную «эпоху диаспор» этнические общности перешагивают границы государства и перестают быть связанными исключительно с определенной территорией.

Диаспора в академическом и общественно-политическом дискурсе рубежа XX–XXI вв. становится одной из ключевых категорий. В данной работе она рассматривается как явление динамичное, способное менять идентичность по мере интеграции в принимающее этнополитическое пространство, а также по мере выстраивания отношений со страной исхода. Современное состояние корейцев Сибири, которые находятся в фокусе авторского исследования, определяет процесс диаспоризации.

Анализ этнополитической ситуации в России и в Сибири на протяжении XX в. и оценка участия в нем различных этнических групп позволяет утверждать, что сообщество корейцев Сибири, имея миграционную по происхождению природу, тем не менее представляет собой устойчивое этно-территориальное образование.

Известно, что первые корейские мигранты появились в Сибири в начале XX в. Более активная миграция началась с 1950-х гг. главным образом в крупные города Сибири из двух основных регионов компактного проживания корейцев на Дальнем Востоке (Приморье и о. Сахалин) и из Средней Азии.

На протяжении второй половины XX в. для российских корейцев было характерно активное перемещение внутри страны, в особенности после снятия режима спецпоселения в местах депортации и после признания права (для корейцев без гражданства) покидать о. Сахалин.

По мере смягчения национальной политики СССР с 1950-х гг. в Сибири начинает формироваться корейское сообщество. С тех пор численность корейцев в регионе неуклонно растет, хотя их доля в общем населении СФО не превышает

¹² Бауман З. Будущего не существует // Газета «Коммерсант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1637429> (06.09.2014).

0,1%. Помимо естественного прироста, увеличение численности корейского населения в Сибири за последние 10 лет объясняется потоком временных рабочих мигрантов из КНДР, которые не являются объектом данного исследования.

Непрерывный рост численности корейцев в Сибири в 1950–2000-е гг. отчасти объясняет постоянная с конца 1980-х гг. миграция из стран СНГ и из восточных регионов России, а также устойчивая этническая идентичность корейцев. С 2000-х гг. намечается тенденция снижения численности корейцев в Алтайском и Красноярском крае, Омской и Иркутской областях, в то время как численность корейцев в Новосибирской и Томской областях продолжает расти, что свидетельствует о перегруппировке корейского населения в Сибири и в России в целом.

Миграционные процессы российских корейцев в Сибирь начиная с 1950-х гг. определяет социальная мобильность, в том числе за счет получения высшего образования в сибирских вузах. В настоящее время для корейцев Сибири характерен высокий образовательный, имущественный и социальный статус. Авторское исследование показало, что в Сибири корейцы входят в число научной, предпринимательской и административной элиты региона. В целом корейское сообщество следует признать хорошо интегрированным в социально-политическую, полиэтничную и поликультурную среду региона.

В этнокультурном плане корейцы Сибири представляют собой устойчивое сообщество с ярко выраженной этнической идентичностью, несмотря на невозможность воспроизводить в полном объеме язык и традиционную культуру. Основными факторами сохранения их культурной идентичности является национальная кухня и семейная обрядность.

Попытки дать формальную характеристику структуре идентичностей корейцев Сибири на основе тестирования 2006-2013 гг. приводят к выводу, что средний ранговый номер этнических самооценок сибирских корейцев за этот период незначительно повысился, однако находится в рамках показателей здоровой

этнической группы, развивающейся по типу интеграции. Одновременно структуру идентичностей корейцев Сибири характеризует отчетливо выраженное гражданское самосознание. Интеграционные процессы XX в. привели к сближению корейцев Сибири с российской государственностью и культурой. В результате возникла культурная дистанция с исторической родиной. Однако в ходе активных государственных диаспоральных практик Республики Корея в сфере культуры, образования и экономики и ее «мягкого влияния» происходит актуализация этнической идентичности корейцев Сибири.

Диаспоральные стратегии Республики Корея формируются на протяжении 1990-х гг. и в полном объеме проявляются в 2000-гг. в ходе реализации программ по созданию глобальных диаспоральных, информационных и бизнес-сетей. На это время приходится становление и развитие общественного национально-культурного движения в среде корейцев Сибири и России в целом преимущественно в форме национально-культурных автономий.

Высокая адаптивность и способность к самоорганизации изначально отчетливо была представлена в истории корейцев России с момента их появления в пределах государства 150 лет назад. Первые корейские общественные организации начала XX в. носили ярко выраженный политический характер и ставили перед собой задачу борьбы за независимость Кореи. Затем фокус общественных интересов сместился в сторону адаптации к условиям принимающего общества. Так появились корейские революционные советы, колхозы и проч. Долгий период стагнации в общественном движении сменился подъемом 1980–1990-х гг. Деятельность общественных организаций и прежде всего корейских национально-культурных автономий Сибири была направлена на консолидацию сообщества, восстановление утраченных элементов культуры и на эффективное взаимодействие с институтами власти.

Одним из стимулирующих факторов этого процесса стало активное участие Республики Корея в формировании диаспоральных практик и институтов.

В результате «мягкого влияния» в среду российских сибирских корейцев транслировались универсальные для глобального корейского сообщества культурные маркеры. В результате происходило моделирование культуры корейцев Сибири (частично утративших традиции и язык в ходе интеграции в российское общество) по южнокорейскому образцу. Шло конструирование этнической идентичности вокруг символов традиционной корейской культуры.

Одновременно на фоне роста престижа Южной Кореи в мировом и российском пространстве культура корейцев Сибири начинает активно транслироваться в региональное сообщество. Публичная презентация корейских праздников, художественных традиций, кулинарии, исторического наследия встречает комплиментарную реакцию регионального полиэтничного сообщества. Кухня российских корейцев становится общеизвестной во всех сибирских городах, а корейские творческие коллективы принимают участие в культурных мероприятиях Сибири.

Анализ этносоциальных и этнополитических реалий Сибири и России в рамках авторской работы показал, что на протяжении 1990–2000-х гг. корейцы Сибири как часть российского корейского сообщества переживают процесс диаспоризации: выстраивается система взаимодействий между диаспорой, российским отечеством и страной исторического исхода – РК.

Корейцы Сибири на рубеже XX–XXI вв. становятся активными акторами межгосударственных, дипломатических отношений двух стран. Они участвуют в налаживании международной торговли и экономического сотрудничества. В транснациональном диалоге корейцы Сибири выступают в роли посредников в развитии экономических, политических, научных и культурных обменов. При этом региональное корейское сообщество сохраняет устойчивость, что проявляется в отсутствии тенденции к репатриации на Корейский полуостров. Следует заметить, что и диаспоральная политика РК не предполагает репатриацию зарубежных

соотечественников, ее главной целью является формирование партнерских корейских этнических сообществ за рубежом и активное взаимодействие с ними.

В ходе исследования удалось установить, что южнокорейская политика по привлечению зарубежных соотечественников соответствует общемировым тенденциям и логике взаимовыгодного сотрудничества. Сбалансированная диаспоральная политика РК главным образом направлена на возвращение статуса зарубежных соотечественников в принимающих обществах для дальнейшего использования их потенциала в осуществлении национальных интересов страны. Позиция России также учитывает способность этнических сообществ к самоорганизации и к мультикультурному диалогу. Однако для эффективного диаспорального взаимодействия необходима более четкая роль российского правительства в организации транснационального сотрудничества в условиях меняющегося мироустройства с растущей в нем ролью диаспор.

В этом смысле опыт системной характеристики корейцев Сибири представляет большой интерес, т.к. позволяет обозначить одну из наиболее эффективных моделей взаимодействия диаспоры со страной происхождения и страной проживания.

Важным итогом развития диаспоральных практик корейцев Сибири конца XX–начала XXI вв. становится потребность их самоопределения в масштабах поликультурного сообщества России и СНГ, за которым стоит не только этно- и поликультурный опыт, но и 150 лет историко-культурных и социально-политических связей. При этом исследование демонстрирует постоянно меняющийся характер этнического сообщества. На динамику его развития влияет политика страны проживания и происхождения.

Корейское сообщество Сибири, сохраняя глубокую интегрированность в российское общество, постепенно превращается в часть мировой корейской диаспоры. Этничность из категории культуры постепенно смещается в категорию международного права и международной политики.

Основные положения диссертации отражены в следующих основных публикациях (общий объем 8,6 п.л., авторский вклад 7,8 п.л.)

Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Ким Е.В. Корейская диаспора и стратегии Республики Корея по взаимодействию с ней / Е.В. Ким // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 2. – С. 83-86. – 0,5 п.л.

2. Самсонова В.Г. Миграция в Республику Корея: современное состояние, проблемы, перспективы / В.Г. Самсонова, Е.В. Ким // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №4. – С. 87-98. – 0,9/0,5 п.л.

3. Ким Е.В. Российские корейцы: грани этнической идентичности / Е.В. Ким // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 2. – С. 53-56. – 0,6 п.л.

4. Ким Е.В. Корейцы Новосибирской области и стратегии транснациональных взаимодействий с Республикой Корея / Е.В. Ким // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 3. – С. 94-97. – 0,5 п.л.

5. Ким Е.В. Корейцы Западной Сибири: этническое сообщество в современном социально-политическом процессе / Е.В. Ким // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – Иркутск. – № 2. – Ч. 2. – С. 222-230. – 0,7 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

6. Ким Е.В. История формирования мировой корейской диаспоры / Е.В. Ким // Материалы IV международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных наук». – Томск, 2005. – С. 61-63. – 0,2 п.л.

7. Ким Е.В. Вторичная этнизация корейцев под воздействием диаспоральных программ правительства Республики Корея / Е.В. Ким // Материалы

XLIV международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Археология и Этнография. – Новосибирск, 2006. – С. 119-120. – 0,2 п.л.

8. Ким Е.В. Корейские национальные организации Сибири, факторы конструирования диаспоральной идентичности / Е.В. Ким // Материалы XLVII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Новосибирск, 2007. – С. 304-307. – 0,3 п.л.

9. Ким Е.В. Этапы развития диаспоральной политики Республики Корея на современном этапе (1993–2012 гг.) и ее основные направления / Е.В. Ким // Материалы XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ «Корейский полуостров: накануне перемен». – М., 2012 г. – С. 276-286. – 0,5 п.л.

10. Ким Е.В. Репатриация сахалинских корейцев в Республику Корея: переселение и адаптация / Е.В. Ким // Материалы LII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Новосибирск, 2012 г. – С. 326-328. – 0,2 п.л.

11. Ким Е.В. Особенности трудовой реэмиграции этнических корейцев в Республику Корея / Е.В. Ким // Материалы 50-ой международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Археология и Этнография. – Новосибирск, 2012 г. – С. 85-86. – 0,2 п.л.

12. Ким Е.В. Опыт диаспоральной политики Российской Федерации на примере взаимодействия с корейцами России / Е.В. Ким // Научно-практическая конференция с международным участием «Россия – глазами народов Сибири». – Новосибирск, 2012. – С. 27-29. – 0,4 п.л.

13. Ким Е.В. К вопросу о возвращении граждан на Корейский полуостров: Два пути репатриации / Е.В. Ким // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2012. – Т. 18. – С. 350-353. – 0,4 п.л.

14. Ким Е.В. Транснациональные этнические бизнес сети: Южнокорейский опыт / Е.В. Ким // Материалы ЛШ Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Владивосток, 2013 г. – С. 308-310. – 0,2 п.л.

15. Ким Е.В. Национально-культурная автономия корейцев Новосибирской области: 15-летний опыт / Е.В. Ким // Материалы 51-ой международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Археология и Этнография. – Новосибирск, 2013 г. – С. 87-88. – 0,2 п.л.

16. Ким Е.В. Корейцы России: Проблема диаспоры в национальной политике / Е.В. Ким // Тезисы докладов X конгресса этнографов и антропологов России «Современный город и социально-культурная модернизация России». – М., 2013. – С. 11. – 0,2 п.л.

17. Борисова (Пономаренко) М.В. Современные миграционные процессы в российско-казахстанском пограничье. На материалах Кулундинского и Карасукского районов / М.В. Борисова (Пономаренко), Ю.В. Гейбель (Хлуднева), Е.В. Ким // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 года. – Новосибирск, 2013. – Т. XIX. – С. 427-430. – 0,4/0,2 п.л.

18. Ким Е.В. Этническая идентичность корейцев Сибири (Проблема актуализации начала XXI века) / Е.В. Ким // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2013. – № XIX. – С. 460-463. – 0,3 п.л.

19. Ким Е.В. Значение диаспоральных сетей в транснациональном экономическом сотрудничестве / Е.В. Ким // Материалы Российско-корейской научной конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 45-47. – 0,3 п.л.

20. Ким Е.В. Динамика идентичности корейцев г. Новосибирска / Е.В. Ким // Россия и мир: история и современность: тезисы II Всероссийской

(с международным участием) конференции студентов и молодых ученых. – Сургут, 2014. С. 10-12. – 0,2 п.л.

21. Ким Е.В. Модели диаспоральной политики: от локальных стратегий к сетевым / Е.В. Ким // Материалы 52-ой международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Археология и Этнография. – Новосибирск, 2014 г. – С. 94-95. – 0,2 п.л.

22. Октябрьская И.В. Теория диаспоры: основные тренды / И.В. Октябрьская, Е.В. Ким // Материалы международной научной конференции «Русскоязычные корейцы стран СНГ: Общественно-географический синтез за 150 лет». – Новосибирск, 2014. – С. 31-38. – 0,4/0,2 п.л.

23. Ким Е.В. Стратегии влияния Республики Корея на зарубежную диаспору / Е.В. Ким // Материалы международной научной конференции «Русскоязычные корейцы стран СНГ: Общественно-географический синтез за 150 лет». – Новосибирск, 2014. – С. 122-130. – 0,4 п.л.

24. Ким Е.В. Хвангаб – празднование шестидесятилетия у корейцев России / Е.В. Ким // IV международные археолого-этнографические чтения «Праздник в архаическом ритуале и этнографической современности». – Астана, 2014. – С.144-146. – 0,3 п.л.